

ИРАН В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ СТРАН КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

Доктор экономических наук П.И. ТОЛМАЧЁВ
(Дипломатическая академия МИД России)

26 марта – 2 апреля текущего года в Лозанне состоялся полноформатный раунд переговоров “шестёрки” с иранской делегацией во главе с министром иностранных дел М.Д. Зарифом по выработке всеобъемлющего урегулирования ситуации вокруг иранской ядерной программы. В итоге переговоров удалось приблизиться к развязке одного из самых сложных узлов мировой политики. Политическое руководство страны неоднократно подчёркивало, что Россия всегда принципиально выступала за решение иранской ядерной проблемы переговорно-дипломатическим путём. Женевский план действий, принятый годом раньше, основывается именно на такого рода идеях и подходах. В частности, предложенные Россией ранее принципы поэтапности и взаимности нашли отражение, получили поддержку и международное признание. Договорённости в Лозанне достигнуты благодаря конструктивному подходу, проявленному в ходе Женевского процесса руководством стран “шестёрки”, Ирана и представителями структур Евросоюза. Эта договорённость представляет собой сбалансированный перечень мер и, несомненно, окажет позитивное влияние на развитие международной ситуации, особенно в Ближневосточном регионе.

Процесс этот ожидаемый. Но последствия его неоднозначны в свете обострившихся рисков, вызовов и угроз. Поиск ответа на вопросы, что предопределяет содержание национальных экономических интересов стран региона, каков вектор поиска их баланса, возможно ли сближение позиции США

и Ирана, не представляется возможным вне контекста оценки геоэкономических проблем Каспийского региона, роли в этом процессе отдельных стран, в том числе и в первую очередь роли Ирана с учётом снятия санкций.

Формат сотрудничества пяти стран Каспийского региона получил развитие в ходе последнего IV Каспийского саммита в Астрахани в сентябре 2014 г. Но интерес к региону проявляют не только прилегающие страны. Напомним, что с конца 90-х гг. интерес американских политических элит к присутствию на Каспии не просто возрос, а приобрёл даже ажиотажный характер. *“Я не помню случая, когда так внезапно какой-либо регион мог превратиться в важнейшую зону стратегических интересов, какой сегодня стал Каспийский бассейн”,* – заявил в своём выступлении перед представителями американских нефтяных корпораций в 1998 г. Дик Чейни, будущий вице-президент США. В том же духе высказался сенатор Сэм Браунбек, один из основателей “каспийского кружка”, деятельность которого курировал сам вице-президент США Альберт Гор: *“США имеют колоссальные интересы в Каспийском бассейне, в странах Центральной Азии и Южного Кавказа, которые его окружают. Это – зона жизненно важных политических, экономических интересов и социальной важности Соединенных Штатов”.* Стоит ли после этого удивляться, что в американских “Стратегиях национальной безопасности” три года подряд присутствовала одна и та же фраза: *“В зону энергетической безопасности США входит Каспийский*

бассейн с потенциалом нефтяных запасов в 200 млрд баррелей”.

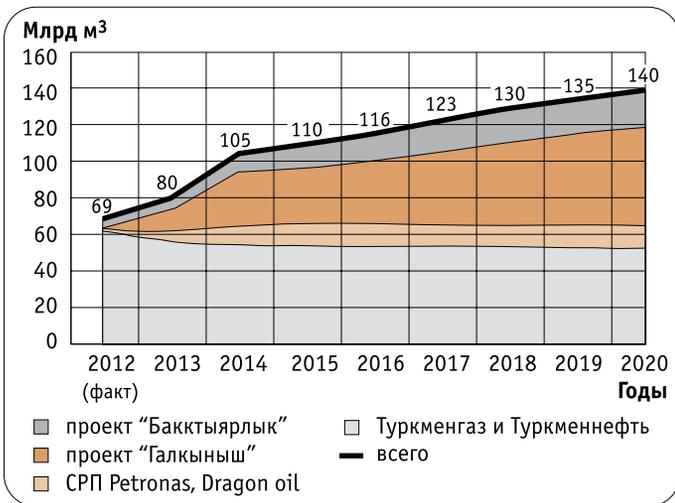
Мы разделяем оценки относительно того, что предпринимаемые сегодня администрацией Обамы шаги в отношении Ирана направлены в первую очередь на то, чтобы оторвать эту страну от России, с которой у ИРИ¹ складываются, хотя и очень медленно, отношения стратегического партнёрства. Для США здесь важно использовать Тегеран в борьбе за вытеснение РФ с европейского и мирового рынка газа, а также в плане понижения цен на нефть в целях ослабления российской экономики. С появлением санкций против Москвы в связи с Украиной реализация этой задачи открыто осуществляется Обамой. “С недоумением и возмущением продолжаем наблюдать за оголтелой антироссийской кампанией, которая разворачивается в США. Американские общенациональные СМИ и ведущие политологические центры, как по команде, выплёскивают русофобские пасквилы, старательно лепя из России образ врага, внушая обывателям ненависть ко всему русскому”², – говорится в заявлении МИД России. Выброс иранской нефти на рынок после снятия с Ирана международных санкций на фоне того, что сами США и Саудовская Аравия уже увеличивают экспорт нефти, может привести к падению нефтяных цен, длительному их сохранению на нижних значениях. Ещё одно назначение удара Вашингтона на иранском направлении – это избавление от зависимости от других важных региональных игроков – Турции, Саудовской Аравии, Израиля и Египта, которые во многом перестали учитывать пожелания Белого Дома и проводят собственную политику на Ближнем Востоке. Кроме того, США очень важно ослабить опору

Запада на энергетические поставки из арабских стран ССАГПЗ³, прежде всего Саудовской Аравии, Катара, Кувейта и ОАЭ. Только Иран способен стать противовесом этим региональным полюсам влияния, тем более, если будет действовать в унисон с Ираком, который обладает не меньшим нефтегазовым потенциалом. Совместно Иран и Ирак смогут экспортировать нефти не меньше, чем Саудовская Аравия, и газа – не меньше, чем Катар. А Турция со своими неоосманскими амбициями и Египет, как традиционный политический лидер арабского мира, вынуждены будут учесть иранский фактор в американском распределении ролей в регионе Большого Ближнего Востока. Равно как и Израиль с его лобби в Вашингтоне. Впрочем, нефть здесь, как бы парадоксально это ни звучало, не самое главное. “Каспий”, как политико-географическое и геостратегическое понятие занимает в структуре международных отношений достаточно специфическое место. Наряду с привычным экономическим значением – как источник энергоресурсов и узел их транспортировки – для ряда стран Каспий имеет огромное политическое и военно-стратегическое значение. Без преувеличения можно сказать, что его геостратегическое положение в качестве точки, позволяющей существенно расширить зону своего влияния и, разумеется, ослабить как стратегического соперника – КНР, так и соперников региональных – Россию и Иран, для американских “ястребов” куда важнее реальных или перспективных запасов нефти и газа. Доказательством данного тезиса может служить никогда особо не скрывавшийся факт того, что и ЦРУ, и министерство энергетики США, и ряд политических лидеров, и соответствующие международные организации регулярно как

¹ ИРИ – Исламская Республика Иран.

² Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с антироссийской кампанией в США. URL: www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/FDC1824E6E7D968A43257E1C00384920628-03-04-2015

³ ССАГПЗ – Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива.

Рис. 1.
Прогноз добычи газа в Туркменистане до 2020 г.

Источник: отчёт компании RPI.

завышают реальные запасы энергоресурсов Каспия, так и преуменьшают трудности и затратность их освоения и транспортировки. Труднообъяснимые с экономической точки зрения, эти манипуляции с цифрами запасов имеют безупречное значение с точки зрения политической, поскольку позволяют американской политической элите обосновать "стратегическую важность региона для безопасности США", а заодно – "заманить" союзников, рассчитывая переложить на них часть оплаты расходов по "блицкригу на Каспий"⁴. В Стратегии национальной безопасности США заявлено: "Мы обладаем вооруженными силами, чья мощь, технический уровень и геостратегический охват не имеют себе равных в истории человечества. Мы обновили

свои альянсы от Европы до Азии. В настоящее время мы проверяем, возможно ли найти всестороннее решение, дабы убедить мировое сообщество в том, что иранская ядерная программа носит мирный характер, в то время как Совместный план действий по Ирану остановил продвижение его программы"⁵.

Каспий рассматривается и Евросоюзом как залог снижения сырьевой зависимости от поставок газа и нефти из России, объективное усиление которой не может не вызывать серьезного беспокойства в Европе.

В этих условиях Брюссель при полной поддержке Вашингтона стремится обеспечить поставки углеводородного сырья, а также обеспечить благоприятные политические и эко-

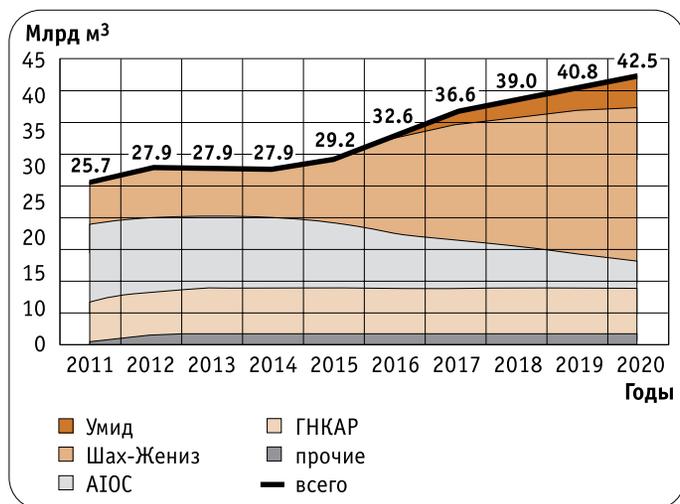
⁵ Стратегия национальной безопасности. "The White House", США. 13.02.2015.

Рис. 2.
Прогноз добычи газа в Казахстане в 2013–2020 гг.

Источник: Министерство нефти и газа Казахстана.

⁴ URL: <http://iran.ru>

Рис. 3.
Прогноз добычи газа
в Азербайджане до 2020 г.
Источник: отчёт компании RPI.

номические условия для широкого доступа к ресурсно-сырьевой базе региона. Кроме того, на позицию Брюсселя большое влияние оказывает важное геополитическое расположение Каспийского и Центрально-Азиатского регионов для развития альтернативной маршрута «Север–Юг» крупной транспортно-логистической системе «ТРАСЕКА». В этих целях Брюссель оказывает всестороннюю поддержку европейским энергетическим гигантам, таким как «Total», «Wintershell», «RWE AG» и другим, многие из которых уже работают в государствах региона, в том числе на условиях соглашений о разделе продукции. Таким образом, Европейский союз в настоящее время является одним из главных конкурентов России в набирающей скорость геополитической игре вокруг Каспийского региона. В числе преимуществ Брюсселя находятся серьёзные финансовые ресурсы и технологии, а также скрытое желание постсоветских республик уйти из-под монопольного влияния Москвы. Наша страна в этом случае должна использовать традиционно сильные исторические связи со

странами региона, общность языка и культуры, устоявшиеся экономико-хозяйственные отношения, а также географическую близость.

В этой связи особенно важно сохранить и усилить российское присутствие в прикаспийских государствах, что невозможно без российских компаний, имеющих крупные коммерческие интересы в разработке углеводородных ресурсов Каспия и участии в их транспортировке. Однако такие интересы далеко

не всегда совпадают. Зачастую между отечественными операторами наблюдается контрпродуктивная конкуренция.

Для повышения эффективности политики на каспийском направлении необходимо разработать и реализовать единую стратегическую линию России по отношению к региону. Кроме того, осознавая уникальность Каспийского моря, чрезвычайно важно разработать общую систему мер, учитывающих экологические риски при разработке и реализации крупномасштабных инфраструктурных проектов на Каспии. Опорой здесь служит Рамочная конвенция по защите морской среды Каспийского моря (Тегеранская конвенция). Она же, как и сохраняющаяся неопределённость по вопросу статуса моря, позволит России как прибрежному государству препятствовать реализации невыгодных ей инициатив.

По объёму запасов энергетических ресурсов Иран занимает 3–4 место в мире. Он располагает 10% мировых нефтяных запасов (157.3 млрд баррелей)⁶ и 18% мировых запасов газа (33.6 трлн м³)⁷. Однако возможности для Тегерана занять место ведущей

⁶ Официальный сайт Организации стран-экспортеров нефти (OPEC). URL: www.opec.org

⁷ Статистический обзор мировой энергетики (Statistical Review of World Energy 2013) компании British Petroleum. URL: www.bp.com

энергетической страны мира оказались затруднёнными другими событиями международной политической жизни. Военные операции в Афганистане, Ираке, Ливии, нестабильность в Сирии существенно повлияли на геополитическую ситуацию в регионе, а собственная ядерная программа ИРИ вместе с обвинениями Запада в поддержке терроризма спровоцировали введение международного санкционного режима, для преодоления последствий которого, в том числе и в первую очередь в нефтегазовой отрасли, потребуется время.

В нефтегазовой сфере Иран заинтересован поступательно расширять своё участие в добыче и транспортировке углеводородного сырья, для чего он планирует усилить свои позиции в Каспийском море, создать условия для экспорта газа на европейский и азиатский рынки и всесторонне использовать свой транзитный потенциал.

Для других каспийских стран иранский вектор в энергетической и других сферах занимает достаточно скромное место.

На западе Туркменистана движущей силой роста добычи газа станут шельфовые проекты "Блок-1" и "Челекен", совокупный объём добычи которых к 2020 г. должен достигнуть 15 млрд м³ газа в год. Суммарный объём добычи газа может достичь 138–140 млрд м³ к 2020 г. по сравнению с 69 млрд м³ в 2012 г., то есть вырастет в два раза. При этом на уровень 100 млрд м³ Туркменистан может выйти уже к 2015 г. за счёт разработки новых месторождений – Яшлара и Йолотань-Османской группы. Таким образом, собственный потенциал добычи Туркменистана составляет около 140 млрд м³, однако на практике он может быть ниже из-за ограниченного спроса. Кроме того, начиная со второй половины текущего десятилетия, серьёзное давление на экспортные возможности Туркменистана будет оказывать ограниченность газозапасной инфраструктуры.

Анализ Стратегического плана Министерства нефти и газа Казахстана

свидетельствует, что эта страна надёжно займёт вторую позицию среди крупнейших производителей газа на Каспии. Ожидается, что валовая добыча "голубого топлива" в стране достигнет 59.3 млрд м³ к 2015 г. и около 100 к 2020 г. Главными источниками роста добычи газа в Казахстане в рассматриваемый период будут месторождения Карачаганак и Тенгиз. Начало добычи на месторождении Кашаган на шельфе Каспийского моря не окажет существенного влияния на общую добычу газа в стране в период до 2020 г. В течение Фазы-1 половина добываемого попутного газа (3 млрд м³) будет закачиваться обратно в пласт. Остальная часть газа будет использоваться для собственных нужд и в незначительном объёме продаваться населению. К 2020 г. Казахстан планирует нарастить добычу газа также за счёт разработки новых месторождений. Ожидается, что около 40 млрд м³ газа будет добыто за счёт разработки месторождений Имашевское на суше и Центральное на шельфе Каспийского моря. Планируется, что производство товарного газа в Казахстане достигнет 32 млрд м³ к 2017 г. и возрастет до 38 к 2020 г.

Прогнозы относительно производства газа в Азербайджане до 2020 г. выглядят менее оптимистичными. Согласно плану ГНКАР⁸, добыча природного газа к 2020 г. составит более 40 млрд м³. Добыча газа на месторождении Шах-Дениз может составить после 2016 г. 23–25 млрд м³ в год. Собственная добыча ГНКАР в период до 2020 г. будет поддерживаться на уровне 7 млрд м³ в год. К 2017 г. в ГНКАР не исключают возможности начать добычу на новом газовом месторождении Умид, которая может составить до 5 млрд м³ в год. По планам ГНКАР⁹, к 2025 г. должна начаться разработка газовых месторождений Абшерон и

⁸ ГНКАР – Государственная нефтяная компания Азербайджанской Республики.

⁹ Официальный сайт Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики.

URL: <http://new.socar.az>

Бабек, за счёт чего совокупная добыча газа Азербайджана может достичь уровня 50 млрд м³.

Таким образом, рассмотренные перспективы производства прикаспийскими государствами углеводородного сырья свидетельствуют, что регион в обозримой перспективе укрепит свои позиции в глобальной нефтяной и газовой добыче. Такая тенденция станет всё более возрастать по мере того, как нефтегазовый потенциал Северного моря и стран Персидского залива будет постепенно истощаться. Это связано с тем, что крупномасштабная разработка углеводородных запасов каспийского шельфа началась спустя почти 40 лет, после начала добычи на Северном море, и гораздо позже, чем в Персидском заливе. Однако уже реализованы отдельные межгосударственные транспортные проекты: интегрированы железнодорожные сети центрально-азиатских республик и Ирана; в небольших объёмах осуществляются поставки нефти и газа по схеме замещения; возведено четыре новых трубопровода, соединяющих Иран с Арменией, Азербайджаном и Туркменистаном. Однако основные энергетические проекты, реализуемые в регионе, не затронули Иран.

Стоит отметить, что в последнее время на первое место вышел газовый фактор, который тесно связан с амбициозными намерениями Тегерана на порядок увеличить добычу и экспорт "голубого топлива". Располагая колоссальными запасами газа, исламская республика стала активно продвигать их на мировой рынок лишь с 2007 г., чем ознаменовала возникновение нового крупного участника европейского газового рынка. В связи с этим у России, а также у других каспийских газовых экспортёров в европейском направлении есть серьёзный повод для волнения. Однако у Москвы и Тегерана есть общие точки соприкосновения – в первую очередь неприятие проекта Транскаспийского газопровода. В более широком контексте оба государства стремятся снизить влияние внешних сил в

Каспийском регионе, заинтересованы в его экономической модернизации, политической стабильности и безопасности. С момента возникновения вопроса о распределении ресурсов Каспия и определении нового правового статуса моря Иран совместно с Россией выступал за совместное использование моря и его ресурсов (кондоминиум) и создание межгосударственных органов и компаний для разработки нефтегазовых месторождений.

Подобно другим прибрежным государствам Иран заинтересован в разработке нефтегазовых месторождений Каспия, однако пока он не вёл добычи или активной разведки углеводородных ресурсов в этом регионе. Поэтому, в отличие от других стран региона при любом результате раздела моря на национальные сектора, он не теряет ничего из того, что имел в советский период¹⁰.

Следует подчеркнуть, что национальные интересы Ирана и его соседей в борьбе за ресурсы на Каспии значительно различаются. Если для Азербайджана это вопрос существования и развития государства, поскольку около 50% его доходов связаны с добычей каспийских ресурсов, для Туркменистана и Казахстана – важное условие процветания, то Иран не зависит от собственной добычи энергоресурсов на Каспии. Доля возможных запасов на каспийском шельфе в общих нефтегазовых ресурсах исламской республики ничтожна и составляет менее 0.1% (по нефти этот показатель достигает 10%), в то время как у соседних Азербайджана и Туркменистана – соответственно

¹⁰ Согласно заключённому в 1940 г. договору между Ираном и СССР, Каспий был объявлен общим внутренним бассейном этих двух сопредельных государств, которым они должны были пользоваться совместно. Такой статус, признанный мировым сообществом, предоставлял обеим странам равные права на судоходство и рыбную ловлю, причём в пределах до 10 морских миль от своего побережья каждая из сторон имела исключительное право пользования этим пространством.

Рис. 4.
Страны Каспийского региона.

100% и 83% по нефти¹¹. Несколько различаются эти данные по газу. При этом в Тегеране опираются исключительно на свои экономические ресурсы, в отличие от ближайших соседей, за которыми, помимо прочего, стоят инвестиции ведущих транснациональных корпораций и политическая поддержка западных стран.

Инфраструктурные интересы Ирана в Каспийском регионе можно разделить на 3 составляющие. Во-первых, это трансформация республики в энерго-транспортный центр, обеспечивающий движение сырья и товаров по направлению Азия–Европа, поскольку территория страны предоставляет наиболее короткие и рентабельные маршруты для поставок углеводородов из прикаспийских республик на мировые рынки. Второй компонент – это развитие новых маршрутов для экспорта собственных энергоносителей и закрепление Тегерана на новых рынках. Третьим элементом выступает обеспечение стабильного импорта нефти и газа для снабжения нефтеперерабатывающих заводов (НПЗ) сырьём, газификации некоторых районов на севере Ирана.

Указанная задача также исключительно важна, учитывая отсутствие в ИРИ внутренних транспортных линий, соединяющих богатый юг с северной частью страны.

За последние двадцать лет Ирану уже удалось организовать импорт нефти и газа из Казахстана и Туркменистана для нужд своих северных провинций, стать поставщиком газа в закавказские страны. Однако Тегерану пока не удалось стать транспортным коридором энергоресурсов (и других товаров) из Центральной Азии и Каспия на западные рынки, и шансов для достижения данной цели остаётся всё меньше. Поставка в Европу иранского газа с его крупнейшего месторождения “Южный Парс” и начало газового экспорта из Ирака, намечены на 2016 г. Для большинства экспертного сообщества очевидно, что в этой сложной игре основная ставка сейчас делается Вашингтоном на Иран, точнее, на сближение с ним за счёт уступок по ядерной программе, снятия санкций и вложения мощных инвестиций в энергетический сектор.

В отношении экспорта и транзита нефти и газа иранские национальные интересы несколько разнятся. Являясь одним из крупнейших экспортёров “чёрного золота”, Иран имеет устоявшиеся рынки сбыта и соответствующую инфраструктурную составляющую для транспортировки этого сырья. В газовой отрасли ситуация другая. Занимая второе место в мире по запасам природного газа, Иран до 2007 г. экспортировал его меньше, чем импортировал. Следовательно, если в отношении нефти основной целью выступает наращивание и закрепление её транзита из прикаспийских стран через Иран, то в газовом направлении интересы заключаются в том, чтобы найти оптимальные маршруты вывода сырья собственного производства на международные рынки.

Следует отдельно отметить, что введённые Западом экономические санкции существенно повлияли на экспортный потенциал Ирана. В 2012 г.

¹¹ Зулфарнеев А. Энергетические интересы Ирана в Каспийском регионе // Центр политических исследований России. URL: www.pircenter.org

по сравнению с 2011 г. он сократил поставки нефти на зарубежные рынки на 40% (с 916 до 558 млн баррелей)¹², а газа – на 5% (с 294 до 281 млрд м³)¹³.

Первым вариантом транспортировки нефти является возведение новых нефтепроводов, а также использование существующей трубопроводной сети страны. Ещё в 1993 г. рассматривался вопрос о прохождении нефтепровода «Баку–Джейхан» через территорию Ирана, а не Грузии. В этом случае его длина могла составить около 1000 км вместо 1730 км ветки, построенной через грузинскую территорию. Однако от проекта отказались из-за внутривнутриполитических разногласий в Азербайджане,

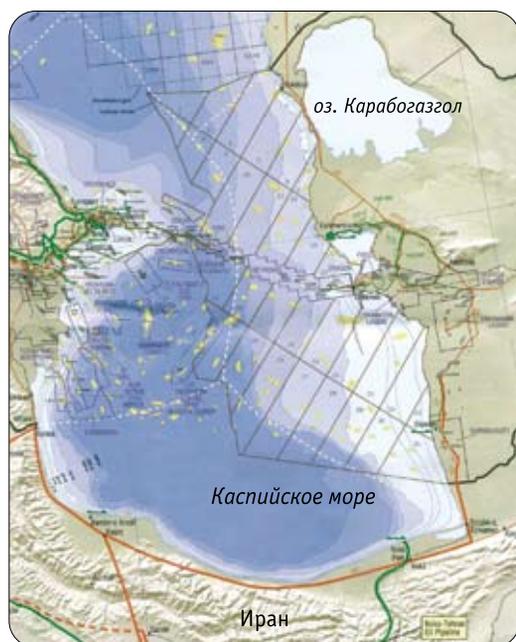
¹² Официальный сайт Управления энергетической информации министерства энергетики США (EIA). URL: www.eia.gov

¹³ Там же.

Рис. 5.
Нефтегазовые месторождения северной части Каспийского моря.

Источник: сайт «Национальная и государственная безопасность Российской Федерации».

URL: www.nationalsecurity.ru/maps

давления США и Евросоюза и технических недоработок.

Существует идея транспортировки через нефтепровод по территории Ирана нефти Казахстана и других каспийских стран. При этом имеется две альтернативы организации таких поставок. Одна предусматривает строительство трубопровода из Казахстана через Туркменистан до иранского побережья Оманского залива. Другой вариант предполагает транспортировку нефти на юг Ирана по проектируемой магистрали «Нека–Джаск» (от порта на Каспии до порта в Оманском заливе) протяжённостью 1515 км и пропускной способностью 1 млн баррелей в сутки. При этом в иранский порт Нека нефть должна доставляться танкерным флотом по Каспийскому морю. В 2011 г. иранские власти заявили, что строительство трубопровода будет финансироваться зарубежной компанией¹⁴. В контексте Йеменских событий последнего времени данный проект имеет исключительные риски.

Другой вариант импорта нефти из Каспийского региона, который Иран частично реализовал, – своповые операции. В этом случае «чёрное золото» Казахстана и Туркменистана доставляется в каспийские порты Ирана, а он в свою очередь предоставляет им равнозначные объёмы своей нефти в Персидском заливе. Основными портами приёма сырья на каспийском побережье являются Нека, Ноушахр и Энзели, в Персидском заливе – остров Харк. Казахстан, являясь основным поставщиком сырья по своповой схеме, обеспечивает поставку половины всей нефти, поступающей в иранские порты на Каспии (порядка 4 млн т в год). Однако для самого Казахстана доля таких поставок в общем экспорте нефти незначительна и составляет лишь 7%¹⁵.

¹⁴ Сайт Издательского Дома «Нефть и Капитал». URL: www.oilcapital.ru

¹⁵ Зильхарнеев А. Энергетические интересы Ирана в Каспийском регионе // Центр политических исследований России. URL: www.pircenter.org

Туркменистанские партнёры используют схему своп через территорию Ирана для экспорта 90% нефти, что составляет приблизительно 3.2 млн т нефти в год и равняется 43% общего объёма поставок по свопу¹⁶.

Практически невыполнимо для Ирана привлечь российских и азербайджанских участников каспийского рынка, которые, располагая собственными экспортными маршрутами, пренебрегают иранским маршрутом. Однако из-за временной остановки двух из трёх экспортных маршрутов Азербайджана (БТД¹⁷ был подорван курдскими боевиками в Турции, а «Баку–Супса» закрыт оператором во время грузино-российской войны) в 2008 г. были осуществлены первые поставки азербайджанской нефти в ИРИ. Но эти объёмы были крайне незначительны – 300 тыс. т нефти (2.2 млн баррелей), что равняется двухдневному объёму прокачки по БТД¹⁸.

Тем не менее, Тегеран продолжает развитие инфраструктуры, которая укрепит его позиции в транспортировке энергоносителей в регионе. В частности, начата реализация проекта строительства новых нефтехранилищ в порту Нека, в результате которой суммарная вместимость ёмкостей будет доведена до 1.5 млн баррелей¹⁹. Пропускная способность нефтепровода «Нека–Рей» уже доведена до 250 тыс. баррелей нефти в сутки, но может быть быстрее увеличена до 500 тыс. баррелей²⁰. Приложение новых усилий для развития схемы своп и достижение показателя в 370 тыс. баррелей в год требует увеличения капитальных вложений и решения ряда других проблем.

Обстоятельством, серьёзно сдерживающим развитие транзитного по-

тенциала Ирана, является отсутствие необходимого количества танкеров в Каспийском море, которым не располагает пока ни одна каспийская страна. Другие прикаспийские страны располагают танкерами грузоподъёмностью не более 13.5 тыс. т, однако расширение поставок сырья требует использования крупных танкеров грузоподъёмностью до 60 тыс. т, что и предопределило в 2006 г. решение Тегерана построить 6 танкеров по 63 тыс. т: три – на иранских верфях, другие три – в России. Для обслуживания крупнотоннажного флота запланировано возведение выносного глубоководного причала в порту Нека, соединённого подводным нефтепроводом с береговыми нефтехранилищами. Кроме крупнотоннажных планируется строительство и других судов.

Подавляющее большинство проектов в нефтегазовой сфере Ирана реализуется многочисленными дочерними структурами «Иранской национальной нефтяной компании». И существует вероятность, что ограниченные финансовые ресурсы ИННК будут распределены не в пользу каспийских проектов. Вероятность инвестиций со стороны других участников каспийского энергетического рынка в иранские проекты ничтожна. Это обусловлено введёнными Западом международными экономическими санкциями, существованием альтернативных транспортных путей выхода на мировой рынок, потенциал которых ещё не до конца использован, а также наличием возможностей инвестирования в более надёжные, прежде всего, с политической точки зрения, проекты. В этой связи существующий объём операций по схеме своп вполне удовлетворяет соседние с Ираном государства, и они пока не заинтересованы в развитии данного направления. При этом списывать со счетов иранский маршрут никто не будет, он будет пока существовать лишь как одна из альтернатив, которая может стать привлекательной при ином геополитическом сценарии.

¹⁶ Там же.

¹⁷ БТД – нефтепровод Баку–Тбилиси–Джейхан.

¹⁸ Российское информационное агентство «Iran.ru». URL: www.iran.ru

¹⁹ Информационно-аналитический портал «Нефть России». URL: www.oilru.com

²⁰ Российское информационное агентство «Iran.ru». URL: www.iran.ru

Параллельно Иран стремится превратиться в одного из главных экспортёров и на мировом газовом рынке. В последнее десятилетие ему удалось нарастить добычу «голубого топлива» в рекордные 6 раз: с 0.9 трлн м³ до 5.4²¹. Основой для увеличения роли Ирана в добыче и торговле газом выступает крупнейшее месторождение Южный Парс в Персидском заливе, где сосредоточена приблизительно половина запасов газа страны (10–15 трлн м³). Предполагается, что к 2015 г. залежи Южного Парса обеспечат порядка 400 млн м³ газа в день, 50% которого пойдёт на экспорт. Однако иранские попытки выйти на европейский газовый рынок через Южный Кавказ натолкнулись на прочные позиции традиционных поставщиков газа – России и Азербайджана.

Кроме наращивания экспорта своего газа на международные рынки, Тегеран крайне заинтересован в направлении энерготранспортных потоков из Каспийского региона (прежде всего, Туркменистана) через свою территорию. Интерес иранских властей при этом заключается в том, чтобы туркменский газ не стал источником наполнения для Транскаспийского газопровода и проектируемой магистрали «Туркменистан–Афганистан–Пакистан–Индия» (ТАПИ). Однако в мае 2012 г. было объявлено о подписании предварительных договоров, устанавливающих формулы расчёта цен на туркменский газ для Исламабада и Дели, а в сентябре того же года была запущена кампания по привлечению крупнейших энергетических корпораций к участию в консорциуме «ТАПИ», организуемом под эгидой Азиатского банка развития. Тем не менее, сегодня сложно судить, в сторону какого проекта в итоге будут склоняться южно-азиатские государства.

Заинтересованность Ирана в отношении Каспия в меньшей степени диктуется собственно фактором углеводородного потенциала. Это связано с тем,

что главные запасы энергоносителей страны расположены на юге в пределах её суверенной территории, в том числе на шельфе Персидского залива, а шельфовые запасы нефти и газа каспийского побережья Ирана оцениваются специалистами как малоперспективные.

В заключение отметим, что, по мнению специалистов, на мировом ландшафте нефтегазовой отрасли происходят заметные перемены. На рынке нефти потеряла актуальность теория «пиковой нефти»²²: новые технологии добычи существенно увеличили объёмы доступных запасов этого важнейшего энергоресурса. Появились *новые лидеры роста добычи*: в качестве таковых выступают США, где в течение последних 5 лет происходит «сланцевая революция», и Ирак, бурно восстанавливающий добычу до предвоенных уровней. Рост потребления обеспечивает, в основном, Китай, который за предыдущие 5 лет показал около 60% мирового прироста потребления нефти, и регион АТР²³ в целом. Мировой рост спроса на нефть прогнозируется в границах 1% в год. Мировой рынок газа показывает опережающие по сравнению с нефтью темпы роста – 2.5%. В целом, большинство мировых экспертов преддрекает *увеличение доли газа в мировом энергетическом балансе*. Это ведёт и к *усилению межтопливной конкуренции*. Основной прирост добычи обеспечивает здесь США, а Китай формирует долгосрочный рост спроса. Рост предложения подразумевает и *рост конкуренции производителей*, чему будет способствовать «сланцевая революция» в США и бурное развитие технологии доставки газа в сжиженном состоянии. Ожидается, что рынок СПГ продолжит опережающий рост с сегодняшних 240 млн т в год (а это чуть более 330 млрд м³) и может удвоиться в ближайшие 15 лет. Это приведёт к *глобализации рынка газа и механизмов, его координирующих*.

²¹ Официальный сайт Управления энергетической информации министерства энергетики США (EIA). URL: www.eia.gov

²² Суть теории такова – запасы и добыча нефти уже достигли/достигают своего апогея.

²³ АТР – Азиатско-Тихоокеанский регион.